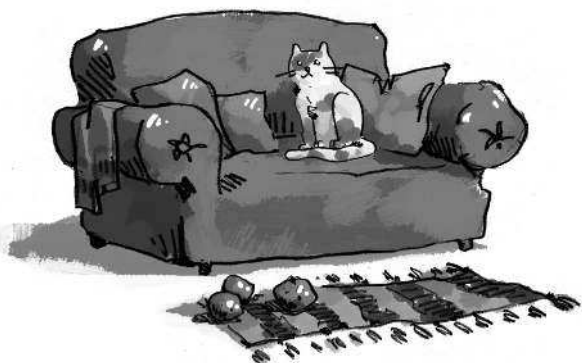

Женские судьбы.

Уютная проза

Марии Метлицкой

Мария Метелицкая

Всеми естеством

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии
и иллюстрация на обложке *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Всем сестрам / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-098460-2

Как по-разному складываются судьбы! Кому-то удается сохранить чувства, кто-то живет без любви. У кого-то действительно крепкая семья, а кто-то лишь сохраняет видимость.

Многие умеют довольствоваться тем, что есть. Но что делать, если ты ждешь от жизни большего?

Мария Метлицкая уверена: женская мудрость — в умении понять, простить и принять. Ведь никто не знает, сколько кому отмерено радости и печали. Всем сестрам — по-своему.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098460-2

© Метлицкая М., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Понять,

простить

Шура помнила эту сцену очень отчетливо: конец декабря, совсем скоро самый любимый Шурин праздник — Новый год. Мягкий морозец и редкий медленный снег, танцующий под неярким светом фонаря. Они идут с мамой на каток, точнее, в «секцию» — как говорит любимая Асенька, Шурина бабушка. Шура — в коричневой старой и тесноватой цигейковой шубе, переделанной в курточку, и вязаных рейтузах. Через плечо, на шнурках, связанных между собой, перекинуты ботинки с фигурными коньками. Фигурное катание Шура обожает, а вот ботинки ненавидит. Они черные, мальчишковые, доставшиеся Шуре по наследству. Конечно, она мечтает о белых, из блестящей и мягкой на ощупь, волшебной кожи, с хромированными крючками, настоящих, чешского производства. Но мама говорит, что это дорого и не по карману. Да и вообще, надо еще посмотреть, какая из Шуры фигуристка. «Может, от слова «фигу»?» —

спрашивает мама и залиvisto смеется. Шура слегка обижается, но мама ее целует и просят не дуться.

Сегодня мама почему-то сопровождает Шуру, хотя идти до катка от дома всего каких-нибудь пять минут, мимо детского магазина «Смена». Каток — во дворе красного кирпичного дома у метро. Дом в народе называется генеральским. Там и вправду живут военные, да еще «в чинах». Шура видит, как из подъезда выходят толстые важные дяденьки в длинных шинелях и их не менее важные жены — тоже крупные, в богатых каракулевых шубах.

Перед выходом Асенька кричит Шуре вслед:

— Держи крепче мать! Скользко!

Шура отвечает:

— Ага! — И на улице хватает маму за локоть.

Мама «в ожидании» — это выражение бабушки Аси. Она вообще, как говорит папа, любит разные «старорежимные» фразочки. У мамы большой живот. Просто огромный. Через месяц ей рожать. Мама любит пошутить и на вопрос «кого ждете?» отвечает «автобус». И при этом залиvisto смеется. Шура держит маму за локоть и заботливо на нее смотрит.

— Гляди под ноги, — советует мама. А Шура нравится смотреть на нее.

Мама очень хорошенькая. Ну просто красавица. Как бы Шура хотела быть на нее похожей! У мамы большие карие глаза, густейшие волнистые темные волосы и «самый очаровательный курносый нос на свете». Так говорит папа. А на носу — редкие конопушки. Мама очень огорчается, когда с первым весенним солнышком их прибавляется, и начинает их пересчитывать. А папа смеется и чмокает маму прямо в курносый нос. Ему нравится в маме все, это видно без всяких слов. И Шура смущается и отводит глаза, когда видит, как в коридоре или на кухне отец украдкой обнимает маму и крепко прижимает ее к себе. Шура мышью шмыгает к себе в комнату и слышит, как мама вырывается и тихо говорит папе:

— Ну, хватит, Митя, отстань! Сколько можно, ей-богу!

Шуре почему-то становится обидно за отца, и она злится на маму. А вообще у них самая счастливая семья — в этом Шура совершенно уверена.

Шурино папу зовут Дмитрий Владимирович. Он — хирург в военном госпитале, заведующий отделением и подполковник. Отделение называется «торакальная хирургия». Папа написал по этой теме не одну статью и даже главу в пособии для студентов. Говорят, что он лучший специалист в городе. А это совсем не шутки. Рабочий день у него ненорми-

рованный и редко бывает выходной. Папу могут вызвать на работу даже среди ночи — если кому-то вдруг понадобится срочная операция.

Асенька говорит, что еще он «человек кристальной честности», за консультации и операции не берет не то что денег, но и даже презентов в виде коньяка или конфет. Поэтому и живут они скромно, на одну папину зарплату. Тем более что мама сейчас в декрете. Асенька целый день хлопочет на кухне — варит, жарит и печет. Экономит. Папа очень любит поесть, он говорит, что это — его единственная, из простительных, слабость. А мама злится на папу за то, что он не требует у своего начальства большую квартиру — они живут в крошечной двухкомнатной, а ведь скоро их будет пятеро. Папа все отмахивается и говорит — потом. А мама с вызовом спрашивает: «Потом — это когда?»

Наверное, мама тоже хочет жить в генеральском доме. И носить каракулевую шубу с большим воротником. Но папа еще не генерал, а всего-навсего подполковник, так что жить им в генеральском доме пока не положено. Это Шура объясняет непонятливой маме — так она заступает за отца. Но мама фыркает («Отстань!») и, вздохнув, добавляет:

— Много ты понимаешь!

Шура вздыхает и бросает взгляд на свои коньки.

В раздевалке она туго шнурует ботинки, чтобы не болталась нога, и вылетает на лед. Как ей нравится скользить по ровному, блестящему и гладкому льду! Делать «ласточку», и «пистолетик», и «дорожку». И просто кружиться под музыку!

Мама стоит у бортика и машет Шуре рукой. Потом Шура видит возле мамы высокого мужчину в длинном черном пальто. И еще она видит, как оба они неотрывно смотрят на Шурины «пируэты» и о чем-то оживленно разговаривают. Тут Шура отвлекается на Ладку Самсонову, точнее, на ее костюм. У Ладки, конечно, белые ботинки на крючках и еще вязаная белая юбочка с фестонами по краям, белая курточка из кролика и белый беретик, из-под которого выбиваются светлые Ладкины кудри. В общем, сказочная Снегурка, а не Ладка. Так выглядят по телевизору настоящие фигуристки. Правда, катается Ладка не ах. Тренер ее ругает, но все же Ладкой любитесь — это всем заметно. А вот у Шуры сегодня все получается очень хорошо. Она смотрит на маму, и мама поднимает кверху большой палец.

— Здрóрово!

Шура подъезжает к бортику и вопросительно смотрит на маму. Мамин собеседник улыбается ей и говорит:

— Здравствуй, Шура!

Шура ему отвечает и опять смотрит на маму. Мама говорит:

— Познакомься, Шура, это Андрей Васильевич. Мой старинный приятель.

Шура вежливо кивает.

Потом занятия кончаются, и Шура идет в раздевалку, где Ладка хвастается новым нарядом. Девочки обступают ее плотным кругом, не подходит только Шура — ей противно Ладкино хвастовство.

Шура выходит на улицу и видит, что мама все еще стоит со своим приятелем. Они направляются к дому, и мама объясняет, что Андрей Васильевич пойдет их провожать. Шура удивляется и пожимает плечами. Мама и ее спутник идут чуть впереди, и теперь он держит маму за локоть.

У магазина «Смена» они останавливаются и шепотом о чем-то горячо спорят. Шура стоит в стороне и рассматривает витрину. Потом Андрей Васильевич говорит:

— А пойдем, Шура, заглянем в «Детский мир»? Может, найдем там что-нибудь интересное!

Шура теряется и опять смотрит на маму. Мама машет рукой: иди!

И они идут в магазин. Мама остается ждать их на улице.

В магазине полно народу — это как всегда. Народ снует между прилавками и кассой. Шу-

ра немного теряется, а Андрей Васильевич спрашивает, чего ей хочется. Шура смущенно молчит. Тогда он берет ее за руку, и они идут к отделу спорттоваров. Сквозь плотную толпу они наконец пробираются к прилавку. И тут Шура замирает: на полке она видит белые фигурные ботинки. Мягкие даже на вид. С блестящими крючками. У нее начинает учащенно биться сердце, и, осмелев, она кивает: эти!

— Ну вот и славно! — говорит Андрей Васильевич. — То, о чем человек мечтает, обязательно должно исполняться!

Он просит Шуру померить ботинки и даже немного в них пройтись.

— Не жмут? — заботливо спрашивает он.

Шура мотает головой. Потом он долго беседует с продавщицей, и вдобавок к ботинкам та выписывает еще и лезвия, и красивые синие пластмассовые чехлы. Андрей Васильевич берет чек, и они идут в кассу — платить. Но Шурина радость все же омрачена: она боится, что мама расстроится и будет ее ругать. Они получают коробку с коньками и выходят на улицу.

— Дотащишь? — улыбается Андрей Васильевич. Вспотевшая от волнения Шура радостно кивает.

— Купили? — спрашивает мама, и Шура с облегчением видит, что она совсем не сердится.

Теперь Шура абсолютно счастлива. Она идет впереди и гордо несет в руках большую серую коробку. Андрей Васильевич провожает их до дома, и они опять о чем-то долго говорят с мамой. Шура стоит поодаль. Ей не терпится поскорее прийти домой, померить ботинки и показать их скорее Асеньке и папе. Хотя наверняка папы, как всегда, нет дома.

Потом Андрей Васильевич, почему-то вздыхая, говорит:

— Ну, что, давай, Шура, прощаться.

Он протягивает ей руку и смотрит на нее долгим, внимательным и почему-то очень грустным взглядом.

— Прощайся, Шура. — Мама тоже грустно вздыхает. Андрей Васильевич присаживается перед Шурой на корточки, поправляет ей шапку, внимательно на нее смотрит и говорит ей странные слова, которые она почему-то запоминает на всю жизнь:

— Будь здорова, девочка, и будь счастлива. Очень тебя прошу! — И добавляет: — Все твои рекорды еще впереди.

Шура смущается и кивает. Они наконец идут к подъезду, и Шура почему-то оборачивается. Она видит, как Андрей Васильевич пристально смотрит им вслед, кричит ему «Спасибо!» и машет рукой.

Асенька не очень удивляется подарку и почему-то качает головой. Шура на Асеньку

даже обижается — та не поделила с ней радость. И еще она, кажется, ругается с мамой: Шура слышит, что мама раздражена и говорит Асеньке, чтобы та оставила ее в покое.

Папе удается показать коньки только на следующий день — он, как всегда, приходит домой поздно, когда Шура уже, конечно, спит. Вот папа очень за Шуру рад, и это видно. Только почему-то и он вздыхает и грустно на нее смотрит.

А Шура продолжает мечтать. Она представляет, что снимет нелепую шубу и рейтузы, наденет голубую весеннюю куртку и колготки — у нее есть пара эластичных, выходных, — закрутит на голове плотную, тугую баранку — и плавно заскользит по гладкому льду. И будет она похожа на прекрасную Людмилу Белоусову, лучшую фигуристку на всем земном шаре, и никакая Ладка с ней не сравнится.

Скоро Новый год, все начинают готовиться к празднику. Папа приносит живую елку — огромную, под самый потолок — и достает с антресолей ящик с елочными игрушками. Шура разбирает эти игрушки. Больше всего ей нравятся стеклянные фигурки — лыжница, Снегурочка и Дед Мороз. Шура очень осторожна: игрушки — еще из бабулиного детства, и не дай бог их разбить.

Асенька печет пироги и варит холодец. По всему дому разносятся восхитительные запахи свежей сдобы, лаврового листа и крепкого мясного бульона. Папа раскладывает стол и застилает его нарядной белой скатертью. Мама протирает салфеткой парадные бокалы. В доме пахнет радостью и праздником. А Шура мечтает только об одном: чтобы скорее закончились праздники и она пошла бы с мамой на каток — ей не терпится надеть новые коньки.

Но после праздников маму увозят в роддом — и через два дня она рождает сестричку Катеньку. Из роддома ее встречают папа и Шура — бабуля готовится к приему нового члена семьи: варит обед, делает влажную уборку и проглаживает пеленки. Мама очень бледная и еле держится на ногах. Она целует Шуру и говорит, что роды были крайне тяжелыми. Дома она сразу ложится в постель, и все начинают хлопотать возле Катеньки: кладут ее на обеденный стол, предварительно постелив на него старое детское Шурино одеяльце, разворачивают тугой маленький сверток.

— Какой чудесный младенец! — говорит Асенька.

Шура с ней абсолютно согласна. Катенька — красавица. У нее карие глазки и бровки «домиком», как у мамы, и густые, совсем не младенческие, темные кудри. И еще гладкие

атласные пяточки и умильные крохотные пальчики на руках.

— Очень ладная девочка! — говорит Асенька.

А у папы не сходит с лица счастливая улыбка. Мама лежит в кровати и тоже счастливо улыбается. Счастливы все — это очевидно. Но Шуре кажется, что самая счастливая — точно она. Катеньку она любит больше всех. Страшно признаться, но ей кажется, даже больше мамы.

Катенька не кричит, спит ночами и ест по часам.

— Чудо-ребенок, — говорит мама. — Не то что ты, Шурка, орала по поводу и без.

Шура слегка обижается, а бабуля цыкает на маму и стучит пальцем по виску.

Папа теперь старается прийти с работы пораньше, бежит мыть руки и тоже торопится к Катеньке. Он целует ее крошечные бархатные ножки и перебирает отросшие нежные волосики. А Катенька смеется, открыв влажные перламутровые беззубые десны.

Теперь на каток Шура ходит с мамой и Катенькой, которая лежит в глубокой розовой с белой полосой коляске. После занятий все девчонки обступают коляску с Катенькой и, конечно, завидуют Шуре.

Так проходит остаток зимы и весна, а в мае папа снимает в Загорянке дачу. И как только заканчиваются занятия в школе, на большом крытом грузовике все переезжают